

26 мая 1974 года

Диалог с драматургом

ЭТА
«ТРУДНАЯ»
СОВРЕМЕННАЯ
ТЕМА...

Наш земляк, свердловчанин Геннадий Бокарев последнее время оказался в самом центре театральных дискуссий. Наряду с пьесой ленинградца И. Дворецкого «Человек со стороны», пьеса Г. Бокарева «Сталевары», поставленная в прошлом сезоне Московским художественным театром, определила главные достижения советского театра последних лет в разработке современной темы.

Геннадий Кузьмич Бокарев с 1959 по 1968 год работал на Уралмаше инженером-конструктором, потом на Свердловском телевидении и одновременно (с 1961 по 1967 год) учился на сценарном факультете ВГИКа — Всесоюзного государственного института кинематографии. В 1964 году в журнале «Юность» опубликовал повесть о хорошо знакомой ему заводской среде — «Мы». Во время учебы во ВГИКе получил предложение «Мосфильма» написать сценарий о рабочем классе. Вызял за него, но почувст-

вовал, что не укладывается в сроки, и послал на студию выдержки из начатой ранее, но недописанной повести, а над сценарием продолжал трудиться. Так появились два фильма: «По собственному желанию», который вышел в прошлом году, и «Самый жаркий месяц», поставленный Ю. Карсином, — в ближайшее время он выйдет на наши экраны.

Драматургом стал, как он считает, совсем случайно. В Москве, когда был там по своим «киношным» делам, в его гостиничном номере вдруг зазвонил телефон, и хорошо знакомый по киноэкрану и эфиру голос главного режиссера МХАТа Олега Ефремова пригласил зайти в театр. Так в содружестве с прославленным коллективом и родилась пьеса «Сталевары», премьера которой состоялась в декабре 1972 года. Сейчас она поставлена почти 70 театрами страны.

ставить проблемы, наверное, так и надо: заставлять зрителя думать, спорить,

— А как относиться вы к многочисленным статьям критиков, усматривающих в «Сталеварах» открытую полемику с «Человеком со стороны» И. Дворецкого?

— Заранее запрограммированной полемики быть, разумеется, не могло — ведь вещи эти писались почти одновременно. Когда во МХАТе шли репетиции «Сталеваров», я посмотрел спектакль «Человек со стороны», только что поставленный в Центральном театре Советской Армии, и, помню, меня очень взволновало хамство Чешкова (не подберу тут иного слова). Я убежден: никакие «деловые качества» не оправдывают человека, если он хам. И, откровенно признаться, сразу же после спектакля перечитал свою пьесу и порадовался, что наш Лагутин не побеждает в ней, как побеждает Чешков, а терпит поражение.

Вместе с тем в «Человеке со стороны» Дворецкий во многом оказался на высоте.

Он поставил животрепещущую проблему, первым углядел у нас новый тип — «делового человека», порожденного не только периодом начавшейся научно-технической революции, но и, бесспорно, растущими контактами нашей страны с буржуазным Западом. Для «деловых людей», о которых я веду речь, производственный результат, цифра — главное, а за счет чего, какими методами они достигаются — лишь детали.

Словом, дело не просто в том, что пьеса И. Дворецкого проблемна, дело в актуальности этой проблемы. Проблемные произведения не раз появлялись у нас за последние годы — вспомним успех фильма «Наш современник» Ю. Райзмана. Но, согласитесь, герой «Нашего современника» мог существовать и 20 лет назад и 20 лет спустя. Чешков же мог появиться лишь сегодня.

— С другой стороны, конфликтность, заложенная в образе Чешкова, не совсем и нова. Вспомним «Марию» А. Салынского. Один из главных персонажей пьесы начальник большого строительства Добротин — блестящий специалист, талантливый руководитель. Но производственные задачи, по-своему грандиозные, а значит требующие и размаха, и знания дела, и самоотверженности, заслонили от него цель производства, цель любой деятельности при социализме. А цель эта — человек и его благо. Стройки свои Добротин возводит тоже ведь для людей. Только на каком-то этапе это главное оказывается им забытым. Так возникает его острый конфликт с секретарем райкома партии Марией...

— Да, это так. И все-таки мне хотелось бы говорить о Чешкове. Может быть, потому, что в «Марии» мы сталкиваемся с конфликтом руководителей, руководителей высшего ранга. С такими, как они, конечно же, не сталкивается лично большинство из сидящих в зале. Когда о тех же проблемах начинают говорить равные зрителю по положению люди, это больше волнует Чешков — начальник цеха. Он ежедневно имеет дело с десятками людей, непосредственно влияет на их судьбы...

— Критики, говоря о последних пьесах из жизни рабочих коллективов и, в частности, о «Человеке со стороны», «Сталеварах», часто пишут, что в этих произведениях ведется спор о стиле руководства людьми, о проблеме взаимоотношений руководителя и подчиненных.

— Думаю, это лишь частное проявление более общей проблемы. Предмет изображения искусства — человек. Он же — цель и смысл всей нашей деятельности, деятельности советского общества. К нему нельзя относиться как к обезличенной «производственной единице». Уверен: человек будет дисциплинирован, станет проявлять себя творчески лишь тогда, когда будет знать, что отношение к нему — чуткое, уважительное. Словом, мне кажется, существует прямая связь между человечностью и производительностью труда.

— Чем объясните вы резкое увеличение за последнее время интереса драматургов, театров, зрителей к изображению на сцене производственной деятельности героев, и в особенности — к делам заводских коллективов?

— Это понятно. Ведь производственная деятельность захватывает все большую сферу нашей жизни. В труде проявляются главные качества людей, а носителем самого передового сознания является наш замечательный советский рабочий класс.

— Ваша следующая пьеса? Наверняка она уже есть или пишется? Писатель не может не писать...

— Да, пьеса есть. Сейчас завершаю ее окончательную отделку. Вас, конечно, интересует тема? Она все та же: взаимоотношения научно-технической революции и человеческой личности. Разумеется, это не повторение «Сталеваров». Тема решается и в другом преломлении и на другом материале. Совсем уже скоро повезу пьесу на окончательный суд в Москву...

Беседу вел
Ю. МАТФОНОВА.
На снимке: Г. БОКАРЕВ. Фото В. Ветлугина.

— 70 театрами... Это большой успех. Любопытно, как вы, автор, объясните такой интерес к своей пьесе?

— Я бы объяснил его достоверностью, может быть, даже точней — узнаваемостью заключенного в пьесе материала. Она вызывает у сидящих в зале людей ассоциации со знакомыми штрихами и фактами жизни. И это не только на спектакле, поставленном МХАТом, в котором постановщик О. Ефремов очень чутко уловил эту особенность и замечательно выразил ее в своей режиссерской трактовке. Можно подумать, что он всю жизнь прожил среди сталеваров, хорошо знает мельчайшие детали их быта.

— И все же, наверное, одной бытовой узнаваемостью успех «Сталеваров» не объяснить. Видно, главное в том, что близкой зрителю оказалась проблематика пьесы. Причем, близкой не только рабочему зрителю...

— Я вообще считаю, что нет драматургии «о рабочем классе» и «для рабочего класса», термины эти условны,

хотя, разумеется, труд, которым человек занят, накладывает на него отпечаток, многое определяет в нем. Когда я «придумывал» пьесу, то много времени потратил на поиск проблемы, которая была бы интересна всем. Мне показалось, что такой проблемой может явиться конфликт между «человеком» и «деловым человеком». Виктора Лагутина из «Сталеваров» можно считать «рабочим вариантом» инженера Чешкова из «Человека со стороны» И. Дворецкого. Лагутина надоел беспорядок на производстве, и он начинает искоренять его любыми средствами, не очень заботясь о реакции окружающих. А вот для рабочего Хромова главное — человек. И все дело в том, что каждый из них по-своему прав: противоречие этих позиций, как у нас принято говорить, диалектическое. Сам я очень симпатизирую Хромову, но во всем ли он прав, не знаю размышляю об этом в своей пьесе. Если считать, что задача драматурга не столько решать, сколько